

Е.В. Пчелов

Вексиллология: пути научного поиска.

Впервые опубликовано в: Гербовед. № 83. М., 2005. С. 4–9.

Среди вспомогательных исторических дисциплин, приобретших в последние десятилетия в отечественной науке значительную актуальность, одно из ведущих мест принадлежит вексиллологии. Подобно многим другим областям исторического знания, таким как геральдика, фалеристика, генеалогия, эта наука с конца XIX века прошла в России непростой путь развития. На рубеже XIX – XX веков вексиллология начала оформляться в самостоятельную научную дисциплину со своим кругом источников, методами их исследования, историографией (труды П.И. Белавенца, Г.С. Габаева, Ю.В. Арсеньева и др.). Но произошедшие кардинальные изменения на всём пространстве исторической науки не могли не сказаться и на судьбе вексиллологии. Её развитие существенно замедлилось, вексиллологическими исследованиями занимались немногочисленные энтузиасты (такие как Н.Н. Семенович, К.К. Мамаев), получив наиболее значимые результаты применительно к нескольким темам и периодам. Сейчас же, напротив, наблюдается тенденция к увеличению исследовательского интереса к вексиллологическим проблемам, и, как следствие этого, увеличение числа публикаций и расширение тематического поля исследований. Однако некоторая неравномерность, отрывочность в разработке тех или иных аспектов вексиллологии сохраняется. Здесь, конечно, сказывается и отсутствие достаточного числа специалистов, круг которых остаётся крайне небольшим. И действительно, современная отечественная вексиллологическая историография представлена вряд ли более чем десятью именами (речь идёт, разумеется, о тех исследователях, кто обращается к вексиллологии не эпизодически, а постоянно работает в этом направлении). Среди них прежде всего нужно назвать Г.В. Вилинбахова, посвятившего немало работ как теоретическим вопросам вексиллологии и истории государственной вексиллологии в России, так и более частным темам, особенно относящимся к царскому и императорскому периодам, преимущественно XVII – XVIII вв.; П.К. Корнакова (вексиллология революционного периода 1917 г.); В.А. Артамонова и А.Я. Дегтярёва (история российского государственного флага); Л.П. Зайцеву (вексиллология советской эпохи) и др. Тем не менее ощутимые результаты уже достигнуты, но ряд существенных проблем остаётся. Их краткому обзору и посвящена настоящая статья.

К числу важнейших задач отечественной вексиллологии, как можно думать, относятся разработка и уточнение понятийного аппарата и определение понимания того, что же собственно представляют собой любая вексиллологическая система и сами вексиллумы как самостоятельное явление. Эти две проблемы, безусловно, взаимосвязаны, поскольку от того, что понимается под объектами вексиллологии, зависит и само представление об этих объектах, как некоей выделяемой предметной общности. Здесь можно вспомнить яркую фразу Г.В. Вилинбахова: «Видимо, не будет большой натяжкой, если мы скажем, что первым знаменем был посох, который держал в своей руке самый первый пастух, идя впереди самого первого стада. Этот посох был и символом власти пастуха над стадом, и символом объединения стада вокруг пастуха». При таком подходе наибольшую значимость приобретают функциональные особенности того, что можно отнести к числу вексиллумов. В то же время необходимо, вероятно, и какое-то чисто предметное ограничение, потому что, например, царские посохи или скипетры (функционально аналогичные вышеприведённому примеру) к вексиллумам довольно сложно причислить. Если мы будем понимать вексиллум предельно широко, включая в объекты

вексиллологии такие предметы, как бунчук или флюгер, т.е. не имеющие полотнища, но типологически имеющие его некую замену, то тогда главными предметными характеристиками вексиллума следует признать древко (всегда обязательное) и некий прикрепляющийся к древку знак (будь то полотнище или его функциональный аналог). Из этого, очевидно, следует и другая существенная характеристика: вексиллум – это то, что поднимают над головой человека или каким-либо объектом, т.е. вексиллум занимает в пространстве место выше, по сравнению с обозначаемым (объединяемым и т.д.) им явлением. Однако вексиллумы достаточно разнообразны. Для их общего обозначения Г.В. Вилинбахов предлагает использовать термин «знамя» (в широком смысле этого слова). Вероятно, возможно пользоваться и термином «вексиллум», как более семантически нейтральным с точки зрения русского языка, ибо его локальное значение относится к области древнеримской истории. Как бы то ни было классификация вексиллумов и чёткое выявление их дефиниций представляется существенной задачей современной российской вексиллологии. Здесь, конечно же, и внешний вид вексиллума и его функциональные особенности могут служить надёжными характеристиками, тем более, что этот комплекс охватывает весьма разнообразные предметы, вплоть до тех, которые восходят к вексиллуму генетически, но выполняют уже иные функции, как, например, флюгер или транспарант.

Функции вексиллумов, их роль в истории общества и истории культуры заставляют задуматься о значении самого этого явления. Важен вопрос, когда и на какой стадии истории человечества оказалось возможным появление этого феномена (и его составляющих), какими путями шло его развитие, как менялось функциональное назначение и семантика самого предмета. Вексиллологическая система – по своей сути есть, безусловно, система знаковая, система символическая, и как любая знаковая система она существует в пространстве внутренних взаимосвязей её компонентов. Совершенно очевидно, что вексиллум – важное явление культуры, причём в общемировом масштабе, осознание его места и роли в обществе, культуре в целом, в искусстве, в системе ценностей (морально-этическая составляющая понятия вексиллума очень велика) актуально для более глубокого проникновения в сущность этого феномена. Так, например, очень перспективным было бы исследование отношения к знамёнам, флагам и иным объектам вексиллологии в разные исторические периоды, в разных странах и у разных социальных слоёв – от анализа соответствующей лексики до разнообразных литературных и мемуарных свидетельств, хотя бы в рамках русского материала. Становление определённых понятий, таких, к примеру, как «государственный флаг» и осознание необходимости их существования, так же как и исследование конкретного генезиса самого явления, тоже представляется немаловажным. В этом контексте тема «история государственного флага» (не как определённого флага какой-либо страны, а как обобщённого явления культуры) вполне возможна. Интересным было бы и исследование вексиллологической тематики в изобразительном искусстве, например, в живописи. Здесь также могли бы обнаружиться любопытные находки, ведь именно подобного рода символы удачнее всего концентрированно отражают те или иные идеи. Не говоря уже о роли конкретных вексиллумов в истории, подобно белому знамени Бурбонов, из-за которого сорвалось восстановление монархии во Франции в 1873 г.

Это, конечно, не значит, что поле собственно «предметных» исследований уже «возделано». Напротив, задача сбора и обобщения предметного материала отнюдь не уходит с повестки дня. Нужен большой, подробный, как можно более широкого охвата, каталог знамён, хранящихся ныне в крупнейших музеях страны. Это, конечно, очень сложная задача, и её под силу решить лишь большому коллективу учёных за большой срок работы. Но хотя бы публикация некоторых собраний, пусть не полностью, а частично, была бы крайне необходимой (равно как и требует решения проблема доступа исследователей к музейным коллекциям). К сожалению, последние наиболее масштабные каталоги знамён относятся к дореволюционному периоду (Л.П. Яковлев, Д.П. Струков) и

к эмигрантской историографии (В.В. Звегинцов) (существует настоятельная необходимость их переиздания), с тех пор появлялись каталоги (например знамён Победы, составленный Л.П. Зайцевой), но это эвристическое и археографическое направление нуждается в самом активном продолжении. Итак, даже задача первичного сбора и публикации материала продолжает оставаться актуальной для российской вексиллологии. Но полноценное исследование возможно путём изучения не только вещественных и изобразительных источников, но и письменных (одно из лучших изданий такого рода – двухтомная публикация отечественных законодательных актов по флагам В.А. Соколова). В этом сочетании анализа разнообразных по характеру, видовой принадлежности и методике исследования источников, требующих владения методологией современного источниковедения состоит одна из основных особенностей вексиллологии, относящая её к тому разряду вспомогательных исторических дисциплин, чьим объектом являются по преимуществу источники вещественные и изобразительные (нумизматика, фалеристика, геральдика и др.). Это особенно интересно с точки зрения источниковедения, поскольку, например, такая его область, как вещественное источниковедение развивается ныне наиболее активно. Велика роль в этом и музейных работников, главных хранителей знамённого материала, разрабатывающих свои методы его сохранения и изучения. Недаром, именно музейные работники и создали по сути современную российскую вексиллологию.

В этой связи следует подчеркнуть, что вексиллология как наука, причём наука по своей сущности не только историческая, но и полидисциплинарная, остро нуждается в современных учебных пособиях. Конечно, конкретный вексиллологический материал входит в те учебные пособия, которые посвящены истории государственной символики (как пособия В.Г. Буркова по зарубежной государственной символике или появившиеся в последнее время пособия по российской государственной символике для школ). Но важно именно самостоятельное, полноценное, крупное учебное пособие по вексиллологии, позволившее бы выдвинуть этот предмет в качестве отдельного курса в системе высшего образования. Пока имеется только один учебник – В.И. Лавренова, изданный небольшим тиражом в Твери. Хотя он и не свободен от недостатков, он важен как первый опыт такого рода, и необходимо продолжить эту традицию. В предлагаемом вниманию читателей вексиллологическом номере журнала «Гербовед» публикуется учебная программа по вексиллологии, созданная Л.П. Зайцевой в рамках кафедры источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин РГГУ, которая является ведущим научным и педагогическим центром в области вспомогательных исторических дисциплин. Надеемся, что эта программа станет основой будущего учебника.

Важно отметить и ещё несколько моментов. Проблема взаимосвязи происхождения того или иного символа, той или иной эмблемы и её семантики, которая может меняться со временем, требует детального изучения в вексиллологии так же, как, впрочем, и в геральдике. Достаточно привести самый простой и элементарный пример. Это происхождение русского трёхцветного бело-сине-красного флага. До сих пор остаются не вполне ясными его генезис и первоначальная эволюция. Возможным прототипом послужили цвета голландского флага, однако, это не значит, что их семантика была аналогичной. Заимствование само по себе могло происходить на изобразительном уровне, семантическое же «наполнение» символа – существенно отличаться от прототипа. При этом значимость смысла той или иной эмблемы доминировала над значением конкретных изобразительных заимствований. Но семантика, как раз, наиболее сложно определяемая категория, тем более при отсутствии аутентичных времени создания эмблемы свидетельств. Практически так и происходит в случае с первым российским триколором. Поэтому столь распространены в историографии либо поздние, идущие уже от имеющегося «артефакта», осмысления, трактовки, интерпретации (подобно объяснению цветов как символов трёх восточнославянских народов – русских, украинцев и белорусов), либо обобщённые голословные рассуждения о неких «традиционных» русских цветах.

При этом в ходу псевдонаучные клише типа «красный – национальный русский цвет» (в научном сравнении с другими цветами недоказанное утверждение) или же попытки показать особую популярность синего в русской культуре и т.д. Нетрудно увидеть, что эти объяснения ничего на самом деле не объясняют, поскольку не отвечают на вопрос, почему, например, «национальным» русским цветом не мог считаться золотой или какой-либо иной.

Здесь мы вступаем в область, исследование которой, применительно к российской вексиллологии, очень насущно, но почти не осуществлено. Поскольку важной характеристикой вексиллума является (наряду с изображениями на полотнище, относительно которых проведён ряд исследований, и прежде всего Г.В. Вилинбаховым: эмблемы единорога, меча, Константинова креста и др.) цветовое решение, то семантика цвета становится чрезвычайно значимой. Как известно, в дореволюционную эпоху, в связи опять-таки с вексиллологической практикой, осуществляли свою деятельность даже две специальные комиссии, перед которыми стояла задача прояснения вопроса о российских национальных цветах. Развернувшиеся тогда дискуссии и сделанные выводы имеют большое научное значение, но исследование данной проблемы в плоскости семантики цветов в русской культуре вообще и к тому же на современном научном уровне остаётся актуальным. Хотя есть работы на эту тему, здесь ещё много неясного, в том числе необходимо уточнить методику исследования и по возможности обобщить колоссальный материал, начиная от лексики и фольклора и заканчивая функционированием цветов в конкретных политических ситуациях – это огромное поле для анализа. То, что такой анализ необходим, проиллюстрирую на двух исторически различных, но типологически сходных примерах. Первый не имеет прямого отношения к вексиллологии, но показывает, насколько сложным может быть для интерпретации средневековый источник, когда речь идёт о цветовом обозначении. В «Хронографии» византийского историка Феофана Исповедника, созданной в начале IX века, упоминаются «русиа хеландиа», входившие в состав флота императора Константина V в 774 г. В историографии долгое время существовало ошибочное толкование этого словосочетания как «русские корабли», на основании чего делались далеко идущие выводы о древнейшей истории Руси. На самом же деле в источнике говорится о «пурпурных» кораблях (цвет кораблей или, возможно, цвет парусов), т.к. прилагательное «русиос» имело значение «пурпурный», «багряный». Второй пример связан с вексиллологией и тоже касается эпохи Средневековья. Это знаменитое утверждение, ставшее общим местом историографии, о том, что знамя Дмитрия Донского на Куликовом поле было красным. Между тем недавно Р.А. Симонов убедительно показал, что в ранних списках «Сказания о Мамаевом побоище» знамя названо «черным». Близость двух слов «черный» и «чермный» могла привести к путанице, и хотя вопрос о цветовых обозначениях в древнерусских текстах и истории соответствующей лексики применительно к этой теме нуждается в детальном рассмотрении, а выдвинутая Р.А. Симоновым гипотеза, очевидно, небесспорна, сам по себе этот случай со всей очевидностью свидетельствует, насколько условными являются, казалось бы, хрестоматийные образы. Историографические мифологемы, поздние идеологические интерпретации – всё это очень живуче и охватывает, бесспорно, не только российский материал. Европейский пример – золотые лилии на лазоревом поле, сменившие, якобы, первоначальных жаб, легенда, основанная знаменитым средневековым интеллектуалом Сугерием для объяснения французского знамени (см. работу Т.Ю. Стукаловой в 70-м номере «Гербоведца») и распространившаяся в научной исторической литературе. Само по себе прояснение истории подобных идеологем чрезвычайно важно, но, кстати, оно не снимает задачи исследования подлинных истоков древних вексиллологических эмблем и цветов, требующего глубокой и всесторонней проработки.

Вексиллология ныне становится полноценным «членом» сообщества гуманитарных наук. Вне всякого сомнения, настоящий сборник – зримое тому подтверждение. Остаётся надеяться, что традиция таких изданий будет продолжаться.

© Русская антропологическая школа, 2009.